

УДК 81'42:[811.111:81.1.161.2]

ЛЕКСИКА НА ПОЗНАЧЕННЯ ДОЩОВОЇ ПОГОДИ В СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Велика Аліна Михайлівна,
старший викладач

Контурський Денис Миколайович

Студент

Житомирський державний університет імені Івана Франка
м. Житомир, Україна

Анотація. Статтю присвячено особливостям репрезентації слів на позначення дощу в сучасній англійській мові, а також вивченню їх семантики, емоційного навантаження, стилістичних відтінків; виявлено функціональне навантаження окресленого вокабуляру та специфіку його вживання у процесі мовлення.

Ключові слова: лексика, погода, вокабуляр, дощова погода, сучасна англійська мова.

Вступ. Швидкі й динамічні зміни у сучасному соціумі, що пов'язані із процесами глобалізації, впливають на питання, які стосуються аспектів національно-культурної ідентичності й репрезентації мовної картини світу сучасних носіїв мови, особливостей їх мовлення та спілкування безпосередньо. Специфічною рисою є також вивчення соціокультурних характеристик мовних одиниць, які формуються на базі традиційної англійської мови, увага до яких знову почала зростати у ХХІ столітті з огляду на виняткову динамічність мови у сьогоденні та активізацію процесів неологізації. Тому дослідження такого плану є актуальними як на синхронному мовному рівні, так і в динаміці розвитку.

Слова на позначення погоди, зокрема дощової, входять до складу метеорологічної лексики. Вона як частина лексикону природи «...входить в

досить велику і важливу для етнічної культури групу зовнішнього світу людини і стає одним з найбільш сприятливих об'єктів дослідження в області лексикології і фразеології» [3].

Мета роботи. Метою цього наукового дослідження є вивчення репрезентації лексичного модусу на позначення дощової погоди в сучасній англійській мові.

Матеріали та методи. Матеріалами для дослідження стали словники, серед яких: Collins Free Online Dictionary, Cambridge Dictionary, English Oxford Learner's Dictionaries тощо.

Основними методами, якими послуговувались під час наукової розвідки, визначено аналіз, зокрема аналіз лексикографічних джерел, узагальнення, систематизація, класифікація, а також описовий метод.

Результати та обговорення. Погода є доволі важливим модусом у нашому житті, оскільки становить левову частку повсякденного спілкування. Крім погоди на щодень люди обговорюють погоду на найближчі дні, певні дати, а також зміни клімату, що в історії були іноді й вирішальними. Таким чином зазначаємо, що погода впливає не лише на буденне життя людей, а й для деяких культур є доволі впливовою у питаннях формування традицій, світогляду, способу життя людей, а отже погода формує певну унікальну картину світу, притаманну тому чи тому народові і, відповідно, вербалізується у мові.

Аналіз тематичної науково-дидактичної літератури дає змогу стверджувати, що лексика досліджуваної сфери була предметом вивчення багатьох авторів. Більш актуальними та ґрунтовними є наукові розвідки, що репрезентують вивчення метеорологічної лексики в порівняльному аспекті, тобто на матеріалі кількох мов, споріднених чи неспоріднених [4]. Проте фіксується незначна кількість наукових праць, які описували б лексичне поле дощової погоди та його вербальне відтворення у сучасній англійській мові.

Зважаючи на недостатнє вивчення окресленого модусу, вважаємо обрану тему актуальною у сьогоденні.

Загальновідомо, що дощ є найбільш характерним для Великобританії метеорологічним явищем, його вивчення зосереджено саме на описі різноманітності дощової погоди та її відображення у мові безпосередньо, приміром, розрізняємо дощ, дрібний дощ, зливу, дощ із вітром або снігом [2]. Оскільки основною функцією зображення таких явищ у мові є номінативна, то цілком логічно, що серед досліджених матеріалів найбільше є іменників, субстантивованих прикметників, рідше зустрічаємо дієслова або прислівники.

Доцільно буде розглянути кілька лексико-семантичних полів із огляду на зображення різних видів дощу [1]:

- Дощ або злива:
 - *blandigo* (a shower of rain),
 - *cluttery* (pelting rain), *clash* (heavy rain),
 - *flood* (сильний дощ),
 - *hadder* (a fine rain or drizzle, a heavy mist),
 - *haar* (a drizzling rain or fog),
 - *hash* (a heavy rain),
 - *pell* (a heavy shower of rain or hail, accompanied with a strong wind),
 - *pash* (a sudden or heavy fall of rain or snow),
 - *perry* (a sudden, heavy fall of rain, a sudden whirling wind, a squall),
 - *plype* (a heavy fall of rain),
 - *pilmer* (a heavy shower of rain),
 - *polthouge* (a heavy downpour of rain),
 - *scour* (a shower, a sudden gust of wind accompanied by rain),
 - *posh* (a heavy fall of rain),
 - *scud* (a sudden shower of rain, snow, or hail).
- Дрібний дощ, морозячий дощ:
 - *blirt* (a cold drizzle),
 - *bange* (drizzling, overcast, misty),
 - *hadder* (a fine small rain),
 - *dizzle* (a slight shower of rain, a drizzle),

- *huther* (a slight shower, a wetting mist),
- *blirt* (a cold drizzle),
- *mizzle* (drizzling rain, a mist),
- *muggle* (a drizzling rain),
- *mist* (to rain finely, to drizzle),
- *smur* (a drizzling mist or rain, fine rain).

- Дощ та вітер:

- *peak*,
- *bleak*,
- сильний вітер з дощем – *perry*, *blustersome*,
- сильний вітер – *cluttery*, *blirt*, *canker*, *blustery*,
- дощ й зрім – *tempest*, *buldering*.

- Дощ разом зі снігом:

- *blunt*,
- *pale*,
- *fall*,
- *drift*,
- *outfall*,
- *falling*,
- *skiff*,
- *skiffer*,
- *snee*,
- *spitter*,
- *skifter*,
- *scalva*.

- Окремо також виділяємо лексему, яка описує відсутність дощу - *saple*.

Отже, метеорологічна лексика – це сукупність слів і словосполучень, які використовуються для опису погодних явищ, стану атмосфери та клімату. Вона є невід'ємною частиною будь-якої мови, оскільки погода впливає на всі аспекти

нашого життя – від повсякденних справ до глобальних процесів. Дослідження лексики на позначення дощу в сучасній англійській мові репрезентує різноманітність та насиченість вербального відображення дощових станів природи в активному словнику носія мови.

Висновки. Аналіз наукової літератури з теми дає змогу стверджувати, що таке погодне явище, як дощ, представлено досить широко у мовній картині світу сучасної англійської мови, проте більшість із цих слів є маловживаними або діалектними. З одного боку, це уможливорює стилістичне різноманіття лексем, а з іншого, утворює діалектизми, які зазвичай не входять до активного словника кожного носія мови. Основними групами, на які можна поділити лексеми, що репрезентують дощ в сучасній українській мові, є: дощ, злива, дрібний дощ, дощ і вітром та дощ зі снігом, а також відсутність дощу.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гаврилюк Н. Метеорологічна лексика в українській і китайській мовах: системний переклад. Науковий вісник Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського : Лінгвістичні науки : зб. наук. праць. Одеса: Астропринт, 2020. № 31. С. 36-50.

2. Погода англійською мовою: слова та ідіоми з перекладом. Електронний ресурс, режим доступу: Погода англійською мовою: слова та ідіоми з перекладом (дата звернення 26.11.2024).

3. Свеженко Г. Лексика на позначення погоди та природних явищ у діалектах британського варіанту англійської мови: кваліфікаційна робота магістра спеціальності 035 "Філологія" / наук. керівник О. І. Лужаниця. Запоріжжя: ЗНУ, 2020. 65 с. Електронний ресурс, режим доступу: МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ (дата звернення 26.11.2024).

4. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: (термінологічна енциклопедія). Полтава: Довкілля, 2006. 716 с.

**СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ КАК НАУЧНАЯ
ПАРАДИГМА АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ**

Демьянюк Анжела Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент,
Исаев Хуршуд Байрам оглу
доктор филологических наук, профессор
Кавказский университет
г. Карс, Турция

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взаимозависимости языка и мышления в широком гуманитарном контексте. Анализируется взаимосвязь между языком и мышлением в интерпретации философов и ученых разных исторических периодов. Отмечено, что в философии язык и мышление относятся к фундаментальным категориям анализа. Важным контекстом для лингвистических исследований языка и мышления является объяснение языка в научных парадигмах логики и психологии. Рассматриваются идеи приверженцев вербалистской теории и ученых-антивербалистов относительно мышления и языка. В современной лингвистике в вербализации мыслительной деятельности выдвигается еще одна проблема, а именно – проблема текста во взаимодействии между языком и мышлением.

Ключевые слова: язык, мышление, научная парадигма, вербалистская теория, проблема текста, логоцентризм.

Мышление – сложное явление, которое получает развернутую множественную интерпретацию в гуманитарном знании. В то время как эпистемология изучает познавательную взаимосвязь между субъектом и объектом, рациональным и чувственным, теоретическим и эмпирическим, логика познает формы и законы мышления, психология анализирует мышление как внутреннюю, духовную деятельность, в которой наблюдается связь между

образами и формами, лингвистика – взаимозависимости между языком и мышлением.

Актуальность предложенного исследования обусловлена потребностью освещения вопроса соотношения языка и мышления в качестве контекста для решения проблемы внутренней речи как вербализованной мыслительной деятельности.

Именно такие взаимозависимости между языком и мышлением являются **объектом статьи**. **Цель** исследования заключается в рассмотрении теоретических принципов анализа явлений языка и речи в гуманитарном знании.

Взаимосвязь между языком и мышлением интересовала философов еще в античное время. Характерно, что Платон отождествлял язык и мышление. В то время как в эпоху Средневековья язык мыслился как грамматическое соответствие к действительности, а в Новое время Р. Декарт ставит в зависимость структуру языка от категории разума, т.е. по его формуле *cogito*, внутреннего мира человека. Язык мыслится в этот период как вторичное явление к действительности и мышлению. Возникновение философии языка В. фон Гумбольдта привело к перевороту в понимании места языка в существовании индивида. Ученый понимал язык как конститутивный фактор духовного мира, от которого зависит как мышление, так и восприятие мира индивидом. Понимание внутренней формы языка в философии В. фон Гумбольдта как формирующего органа мысли, близко к концепции лингвистической относительности, которая была создана значительно позже в трудах Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста. По их мнению, именно язык обуславливает природу мышления и дальнейшее освоение человеком бытия.

В философии язык и мышление относятся к фундаментальным категориям анализа. Независимо от методологических основ, философы изучают язык как многоаспектный феномен, который в разные эпохи определяет приоритет конкретной проблематики. Так, в традиционной и классической философии внимание философов привлекали: проблема

возможности и меры репрезентации бытия в языке; проблема онтологического статуса языковых значений; проблема соотношения языка и мышления и т. д. Такой акцент в исследованиях языка разворачивается прежде всего в рамках языковой семантики. Дальнейшее развитие исследований языка приобрело в неклассической философии тенденции к объяснению языковой синтактики, что особенно стало очевидным в наработках аналитической философии и структуралистов. Так, основные проблемы, которые выдвигались в исследовании языка этого периода, – проблема языкового формализма и его интерпретации, проблема языковой структуры, проблема соотношения естественных и искусственных языков. На сегодняшний день, в рамках постмодернистской философии в исследовании языка, выдвигаются такие проблемы, как: проблема текста и интертекста, проблема нарративной языковой референции, проблема обозначения языковых игр и т. д. Современные исследования философии языка сосредоточены прежде всего вокруг языковой прагматики [1, с. 863-868]. Такая многоаспектность философских исследований языка не только обогащает методологию языкознания, но и определяет круг актуальной лингвистической проблематики.

Важным контекстом для лингвистических исследований языка и мышления является объяснение языка в научных парадигмах логики и психологии. Экстралингвистичность проблемы соотношения языка и мышления заключается в этом аспекте в том, что предметом анализа должно быть не только мышление, а сам процесс мышления, дающий возможность не ограничиваться его логической формой. Исследование реального процесса мышления активизирует включение в анализ и самого говорящего, и его речь, что предполагает психологическую интерпретацию проблемы. Именно психология объясняет процесс мышления, в отличие от логики, которая сосредотачивается на постоянных формах репрезентации мышления. Таким образом, психология и логика ближе всего к проблемам, которые исследует языкознание.

Так, логиков прежде всего интересует форма, в которой реализуется

мышление, и в то же время форма объясняется ими как постоянная величина. Язык для логиков – строгая система, подлежащая определенным законам. Зато психологов интересует семантика языка, его содержание, содержащее духовные интенции человека. Язык определяется в психологии как динамическая система, полная многочисленных отклонений от установленных норм, язык одновременно реализует и процесс порождения языка. Связь таких методологических полярностей в подходах к проблеме языка лучше всего воплощается в языкознании, его разных направлениях.

В психологии плодотворными для гуманитарного знания стали исследования Л. С. Выготского. Ученый уделял много внимания изучению соотношения мышления и языка, считая, что человеческое мышление происходит в языке, а не просто выражается (кодируется) в последнем. Развивая идеи о соотношении языка и мышления, исследователь первым осознал роль в мышлении внутреннего языка, в котором он видел ключ к пониманию происхождения человеческого (по Л. Выготскому, принципиально человеческого) мышления.

Отсюда аргументация Л. С. Выготским позиции, по которой: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, охватывающего наши влечения и потребности, наши интересы и побуждение, наши аффекты и эмоции» [2, с. 82]. То есть мысль, по убеждению ученого, рождается из деятельности. Отметим, что языковая деятельность в таком исследовательском постулировании остается объектом анализа.

В истории лингвистической науки, как уже отмечалось, существуют два противоположных подхода к проблеме соотношения языка и мышления. Так, с одной стороны, ученые отстаивали отождествление, полное слияние языка и мышления (Ф. Шлейермахер, Й-Г. Гаман, М. Мюллер и другие), с другой, - полный разрыв между языком и мышлением (Ф.-Э. Бенекке и другие). Современные исследователи отмечают, что фундаментальным принципом, объединяющим позиции ученых, занимавшихся этой проблемой, было признание ими «бесспорной связи между рассматриваемыми сущностями»

[3, с. 92]. Б. А. Серебренников, с определенной мерой условности, называл ученых, отстаивавших полную неотъемлемость мышления от языка, вербалистами, а соответственно, их антагонистами являются ученые-антивербалисты.

Самым последовательным приверженцем вербалистской теории считают М. Мюллера, который утверждал, что: «Язык есть мысль, а мысль есть язык» [4, с. 24]. Исследователь отмечает, что: «Мы мыслим словами, и более нечем, как словами» [4, с. 24]. В свою очередь В. Гумбольдт убежден: «Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, на самом деле такого разделения не существует... Язык является органом, образующим мысль... Поэтому интеллектуальная деятельность и язык являются одним целым. В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь четкости и ясности, представление не сможет стать понятием» [5, с. 70].

Позиция относительно взаимозависимостей и взаимообусловленностей языка и мышления часто эволюционирует даже в пределах авторской интерпретации названных эпистемологических категорий. В частности, Ф. Д. Э. Шлейермахер сначала придерживался мнения о том, что: «Мышление и слово так вполне едины, что мы можем различать их только как внутреннее и внешнее, да и то любая внутренняя мысль есть уже слово» [4, с. 34]. Но впоследствии он отходит от этой точки зрения, утверждая: «Мышление и внутренний язык нельзя рассматривать как абсолютно тождественные. В основе любого мышления положен внутренний импульс. Это является чистой речью для себя в ее абсолютной внутренней сущности, но поскольку она приобретает большую значимость и становится мышлением о чем-то, возникает внутренняя речь. Последняя становится внешней, если мышление хочет стать мышлением для других» [4, с. 401].

Другую аргументацию находит Ф. де Соссюр, мотивируя неотделимость в языке мысли от звука и звука от мысли [6, с. 145]. Тогда как А. А. Реформатский, разворачивая идеи предшественников, не видит

существование языка без мышления [7, с. 7].

В то же время все приверженцы вербалистской теории, к которым засчитывают и А. Шлейхера, Э. Бенвениста (рассматривают язык как форму мышления), не настаивают на отождествлении единиц мышления и языка. В.В. Слабоуз указывает на недостатки этой теории: «В системе аргументации, которую используют ученые-вербалисты, не содержится таких дельных доказательств, которые лишали бы имеющееся противоречие между тезисом о невозможности мышления без языка и реальным наличием различных типов мышления (наглядно-действенное, наглядно-образное, дискурсивное, интуитивное, репродуктивное, творческое)» [3, с. 93].

Антивербалисты, настаивающие на возможном существовании мышления без языка, приводят свою систему аргументации. Так, Н. И. Жинкин считает, что «никому еще не удалось показать на фактах, что мышление осуществляется только средствами натурального языка. Это только декларировалось, но опыт показывал другое» [8, с. 35]. А. Н. Леонтьев также утверждает: «Современные генетические исследования открыли бесспорный факт существования процессов речи, протекающих также и в форме внешней деятельности с материальными предметами» [9, с. 44]. Развивая приведенные идеи, Б. А. Серебренников указывает на существование большого количества различных типов несловесного мышления и приходит к выводу: «Мышление без слов так же возможно, как и мышление на основе слов. Словесное мышление – это только один из типов мышления» [10, с. 16]. В этом контексте вполне логична аргументация В. В. Слабоуза, который отмечает: «В трудах ученых о направлении, которое рассматривается (равно как и в трудах его оппонентов), как правило, ничего не упоминается о том, имеют ли они в виду, применяя термин «язык», именно язык или язык + речь, или только речь; имеют или подразумевают только мышление, охватывает ли этот термин своим содержанием содержательную сторону того, что обозначается термином «сознание» и делает вывод, что «ни первая, ни вторая рассматриваемые точки зрения нас не устраивают, хотя в разной степени. Первая точка зрения

правильная, но, на наш взгляд, требует обобщения и выяснения. Вторая же является недостаточно обоснованной» [3, с. 96].

В современной лингвистике в вербализации мыслительной деятельности выдвигается еще одна проблема, а именно – проблема текста во взаимодействии между языком и мышлением. Так, С. Васильев, в противоположность тезису, согласно которому язык выражает мышление, выдвигает категорию текста. По его мнению язык, как и мышление, не подлежит непосредственному наблюдению, он реализуется только через текст. Процесс мышления скорее предположение, основа, которую мы реконструируем на основе дискурса текста [11, с. 389]. В исследовательской дихотомии язык-текст узнается различие языка и мышления, аргументированное в концепции языка Ф. де Соссюра. В то же время наблюдаем научную рефлексию на концепцию письма Ж. Деррида, в частности в ее постулировании грамматической природы мыслительной деятельности.

Ж. Деррида, сосредоточивший внимание на выделении письма, обосновав его значение в европейской традиции по сравнению с речью, также, как известно, прибег к критике концепции знака. Ж. Деррида создал собственный термин – «логоцентризм» – для обозначения рационализованного языка, критика которого более поздними исследователями связана с критикой логоцентризма у Ницше.

Именно тезис Ницше о том, что Бог умер, дал возможность Ж. Деррида обосновать тезис о редукции центра. То есть, по его мнению, отсутствие трансцендентного означаемого создает своеобразную игру значений, постоянно ускользающих от структурированности. Письмо в таком постулировании и является моделью игры значений, в которой реципиент приобретает свободу толкования, поскольку комбинаторика смысла зависит от его активного участия в игре.

Выделение письма для Ж. Деррида свидетельствует таким образом о потере власти над письмом мышления и речи, составляющих модель логоцентризма.

Ж. Деррида также подверг сомнению дуалистическую природу знака Ф. де Соссюра. Текст, по мнению Ж. Деррида, не является репрезентантом чего-либо вне себя, а только может отсылать к другим знакам. Отсюда разрушение границы между текстом и интерпретацией, а сама интерпретация в определенном дискурсе является продолжением текста. Таким образом интерпретация перерастает в вечное интерпретирование. Процесс этот не обусловлен недоверием к познанию, а скорее является признаком самого познания – каждый раз расширять собственные границы и возможности регенерировать текст. Подрыв метафизики присутствия одновременно стал в теории Новейшего времени подрывом доминанты, центра. Деконструкция, по Ж. Деррида, выстраивается таким образом, чтобы разрушить границы устойчивости, определенности и сосредоточить внимание на различении. Различение является фундаментальной категорией философии Ж. Деррида, что возникает на грани письма.

Письмо является фундаментальной категорией в трудах исследователей XX века – Ж. Лакана, Р. Барта, Ю. Кристевой и других ученых, чьи идеи развиваются в русле постструктурализма и постмодернизма, обращенных к психологической мотивации гуманитарного знания.

Для исследования по языкознанию остается важным понимание природы языка и мышления как сложной связи взаимозависимостей, в которой личность генезиса и функционирование обоих явлений претерпевает взаимодействие. Объектом исследования для лингвиста предстает прежде всего не выяснение имманентной природы языка и мышления, а подчиненный специальным научным задачам характер связи между ними, где генетическая модификация предопределена как личным, так и общим развитием, а также исследования вербализованной специфики природы внутренней речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Можейко М.А. Язык // Новейший философский словарь / Гл. ред. Грицанов А.А. – Минск, 1999. – С. 863-868.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Слабоуз В.В. Вербалістська versus антивербалістська теорії співвідношення мови та мислення // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии (Научно-методологический сборник). – Вып. XI. – Ч. 1. – Славянск, 2003. – С. 91-97.
4. Мюллер М. Наука о мысли. – Спб.: Типография Н.А. Лебедева, 1891. – 474 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 68-75.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
8. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – М., 1964. – №6. – С. 26-38.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Серебренников Б.А. К проблеме “Язык и мышление” (Всегда ли мышление вербально?) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1977. – Т. 36. – №1. – С. 9-17.
11. Васильев С. Мова // Філософський енциклопедичний словник / Гол. ред. Шинкарук В.Г. – К.: Абрис, 2002. – 751 с.